

И. С. ТУРГЕНЕВ

Фотография А. Бергнера, 1856 г.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

И. С. ТУРГЕНЕВ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
И ПИСЕМ

В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

СОЧИНЕНИЯ
В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

*Издание второе,
исправленное и дополненное*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1980

И. С. ТУРГЕНЕВ

СОЧИНЕНИЯ

Том пятый

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

1853—1857 годов

РУДИН

СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ

1855—1859

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1980

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

1853—1857

СОБСТВЕННАЯ ГОСПОДСКАЯ КОНТОРА

(Отрывок из неизданного романа)

...Комната, в которую вошла Глафира Ивановна и в которой она ежедневно проводила часа два и более, называлась «Собственной господской конторой» — в отличие от «Главной вотчинной конторы», помещавшейся в отдельном флигеле, подле конного двора. В «Собственной господской конторе» постоянно заседал секретарь барыни, Левон Иванов, или, как его называла Глафира Ивановна, Léon (его в молодости выучили французскому языку, и он довольно свободно на нем изъяснялся); однако Глафира Ивановна в конторе с ним никогда иначе не говорила, как по-русски. Кроме Левона, каждое утро являлись в «Собственную контору» главный приказчик и бурмистр с докладами; часто призывался туда дворецкий, изредка сам управляющий Василий Васильевич — и только. Все же дела по именью, все платежи, продажи и покупки производились в «Вотчинной конторе», которая оттого всегда была набита народом; с утра до вечера толклись в ней, стояли и сидели разные писцы, земские, приходящие и отходящие мужики, свои и соседние, старосты, десятские и т. п.

«Вотчинная контора» не могла похвастаться ни чистотою, ни благовонием. Случалось иногда, что свечи в ней горели голубым огнем, как бы в погребке или в бане. «Собственная контора», напротив, отличалась опрятностью: это была большая, светлая комната, с тремя окнами; у одного из них помещался секретарский стол, покрытый зеленым сукном. Вдоль стен тянулись шкафы из ясеневоего дерева; по самой середине, на особом устроенном возвышении, стояло ореховое бюро; за этим бюро, на широком и мягком кресле, садилась сама барыня; другое кресло, тоже довольно покойное, стояло несколько поодаль и пониже — для Василия Васильевича. Прямо против господского бюро ви-

сел на стене портрет напудренного старика в лиловом французском кафтане с стразовыми пуговицами, известного в свое время хозяина, дяди Глафиры Ивановны, от которого она получила свое имя и которого она поставила себе в образец.

В «Собственной конторе» к приходу барыни собралось три человека. Один из них, секретарь Левон, или Léon, молодой, белокурый человек, с томными глазами и чахоточным цветом лица, стоял перед своим столом и перелистывал тетрадь; другой, главный приказчик, Кинтилиан, человек лет пятидесяти с лишком — с седыми волосами и черными навислыми бровями, с лицом угрюмым и хитрым — неподвижно глядел на пол, скрестив руки на груди. Третий, наконец, бурмистр Павел, красивый мужчина, с черной как смоль бородой, свежими щеками, большим белым лбом и веселыми блестящими глазами, развязно прислонился к двери. Хотя одежда на нем была не то крестьянская, не то купеческая, хотя он носил бороду — он мужиком не был. Глафира Ивановна произвела его в бурмистры из дворовых; под его управлением состояло — пока — одно только село Введенское — то самое село, в котором жила барыня, — но влияние его росло не по дням, а по часам; милости сыпались на него непрестанно; он быстро шел в гору, к великой досаде Кинтилиана, который сам, не более двух лет тому назад, разными происками низвергнул своего предшественника, Никифора, и стал на его место.

Три эти человека — до самого появления Глафиры Ивановны — не разговаривали друг с другом; только Павел спросил у Левона, записал ли он садовые работы; Левон кивнул ему головой. Когда же наконец барыня вошла, они все трое выпрямились и низко ей поклонились; Кинтилиан и Павел заложили руки за спину — Левон слегка оперся о стол. Глафира Ивановна, молча и не спеша, взошла на возвышение, отодвинула слегка кресла, села, оправилась и, приняв озабоченный вид, немного помолчала, наконец, обратившись к Левону, сделала повелительное движение рукою и промолвила: «Начинай!»

Левон взял тетрадь со стола, отвернул несколько листов, кашлянул и начал тонким, немного гнусливым голоском:

— «12 июля 184* года. Полевые и прочие работы.

Вчерашний день, июля 11-го, во вторник — день господский. Крестьяне села Введенского — всего 134 тягла — заняты были сенокосом в следующих дачах...»

— Что ты это мне читаешь? — резко перебила его барыня.

— Полевые и прочие работы, как изволили приказывать... С них начинать приказано, — проговорил Левон.

— Мне этого не нужно сегодня.

Левон опустил тетрадь.

— Получены вчера из деревень донесения?

— Получено три — из Лисицына, из Гагина, из Кириллова.

— Читай рапорт из Лисицына.

— Прикажете рапорт или экстракт?

— Рапорт. — И Глафира Ивановна загремела четками...

Неприятно подействовал этот звук на присутствовавших. Каждый из них знал, что когда барыня гремит четками — дело неладно: жди бури. Лица их вытянулись; даже Павел, который всё время соколом глядел на свою госпожу, — даже он попридержал свою улыбку.

Левон взял со стола исписанный лист бумаги — и начал опять тем же тонким голоском:

— «Рапорт Евстигнея Семенова, Лисицынского старосты.

Пункт 1-й. В имении ее высокоблагородия, Глафиры Ивановны Гагиной, Лисицыне — Кондратове тож — милостью божиею обстоит всё благополучно.

Пункт 2-й. Вчерашнего числа...»

Глафира Ивановна опять перебила чтеца:

— Не читай мне всего... Посмотри только, что он о пасеке пишет...

Левон быстро пробежал глазами весь рапорт.

— Он о пасеке не доносит-с, — произнес он наконец.

— Прекрасно! — воскликнула Глафира Ивановна — и четки загремели пуще прежнего. — Хорош староста, нечего сказать! Это ты, должно быть, его в старосты поставил, — продолжала она, обратившись к Кинтилиану. (Лисицынский староста был назначен еще Никифором, но Кинтилиан почел за лучшее промолчать.) —

Сделать ему строжайший выговор с особенным замечаньем.

Левон наклонился и черкнул у себя в книге слова два карандашом. Наступило молчание.

— Прикажете читать дальше? — робко спросил Левон.

Барыня не отвечала ему и продолжала грёметь четками. Левон поправил волосы на лбу и потупился. В комнате всё как будто замерло... только и стало слышно в ней, что жалобное жужжанье залетевшей большой синей мухи, тщетно стучавшейся в стекло.

— Достань «Заметки барыни», — промолвила наконец Глафира Ивановна, выходя из задумчивости. — Прочти мне, что я тебе вчера продиктовала.

Левон вынул из ящика своего стола голубую книжку с надписью на переплете: «Заметки барыни», — раскрыл ее и принялся читать:

— «Понедельник, 11-го июня.

Во-первых: Дворовым я желаю сделать другое распоряжение; хочу из дворовых сделать *колонистов*; а колонисты мои будут делать разные работы, домашние и прочие; построю им каменные флигеля; заведу фабрики, как швейные, так и кружевные, — ткацкую, белильную — и доведу до того, чтобы Введенские фабрики были известны в России; а ненужных дворовых продам или отпущу по разным местам. Начальник моих колонистов — Куприян Семенов». — Левон остановился.

— Какая по этому сделана отметка? — спросила барыня.

— «Принято к соображению. А насчет Куприяна — исполнено».

Барыня помолчала.

— Далее.

— «Во-вторых: Турка никогда и никуда не отпускать от скота; но только, чтобы он никогда не был начальником над оным — а просто назвать его: Турок и пастух». Отметка: исполнено.

«В-третьих: Я собрала посмотреть моих господских коров... Фи! Фи! Ну, что это за коровы? Но почему же и мне не иметь коров, которые бы давали удою три ведра, как говорил швейцар. Je réglerai, tout cela, je réglerai¹. Возьму швейцара, тирольца, овцевода, возь-

¹ Я всё это приведу в порядок, приведу в порядок (франц.).

му лифляндку, немку, польку. Ах, когда же это случится: после дождичка в четверг». Отметка... отметки нет.

— Нет отметки? — спросила Глафира Ивановна. — А я тебе скажу, какая должна быть отметка. Пиши, — и Глафира Ивановна начала диктовать Левону: — «Всё это исполнится и непременно исполнится, когда у меня будет настоящий управляющий — а не Василий Васильевич — что и говорить! Не такого, не такого мне надо — и только». Теперь далее.

Левон поставил после «только» большой восклицательный знак и снова принялся за чтение.

— «В-четвертых: Спросить каждого дворового человека следующим образом: а что ты принес доходу в год — какая была твоя служба — и сколько было на тебя расходу — а? И по его ответу так и поступать, чтобы дворовый человек приносил или пользу, или удовольствие; без того его не держать». Отметка: отнесено к пункту первому.

— Как к пункту первому! — воскликнула барыня.

— Там — также о дворовых говорится, — возразил Левон.

— Так что ж, что говорится! Здесь сказано: спросить каждого дворового — а там написано про дворовых вообще. Спрашивали ли хошь одного дворового так, как я приказывала?

— Никак нет-с, — пробормотал смущенный секретарь.

— А я спрашиваю — почему не спрашивали?

Никто не отвечал.

Лицо Глафиры Ивановны омрачилось.

— Долго ли мне мучиться с вами? — продолжала она. — Долго ли вам не слушаться меня!

— Отметки не я составляю-с, — проговорил трепетным голосом Левон, — а вот они-с. — Он указал на главного приказчика и на бурмистра. — Я только записываю.

— Я знаю, что не ты. К пункту первому! Я знаю, почему они поставили: к пункту первому! Я бы тебя, например, спросила, — прибавила Глафира Ивановна, внезапно обратившись к Кинтилиану, — что ты мне стоишь с своим семейством — сколько на тебя выходит всякого добра — а какую я от тебя пользу вижу? Или

удовольствие? Уж я не говорю о том, что ты себе там в карман кладешь!

Кинтилиан только губы стиснул.

— Исполнить мое приказание, сегодня же исполнить — и начать с него, — промолвила барыня, указывая на Кинтилиана. — Коли он главный приказчик, пускай же он подаст пример другим... А теперь продолжай!

«В-пятых: Я в нетерпенье приобретаю... Не забыть мне видаться и переговорить с...» Здесь поставлены три крестика, — прибавил Левон, понизив несколько голос. — «Он, сдается мне, именно тот человек, которого я искала». Здесь вы изволили приказать поставить: Нотубене.

— Хорошо, знаю... продолжай.

— «В-шестых: Сказать матерям отпущенных по obroку актрис, чтобы они к ним написали и советовали бы им вскорости откупиться; а то-де вас вернут и здесь в работу определяют. Мы-де вас предвараем от себя». Отметка: «Актрисиним матерям сообщено».

«В-седьмых: Я хочу доказать Василию Васильевичу, что и без него могу, как будто его не было на свете. Я сама, сама, сама. А то всё будет по-прежнему. Лучше мое худое пусть, чем его хорошее: не надо».

— Довольно! — воскликнула Глафира Ивановна. — К чему об этом только говорить — надо действовать...

И Глафира Ивановна снова погрузилась в раздумье, изредка только подергивая губами и погромыхая четками.

— Кинтилиан Андреев! — воскликнула она наконец.

Старик встрепенулся.

— Сударыня!

— Можешь ты мне сказать, сколько я в год плачу в Опекунский совет?

— Четырнадцать тысяч рублей серебром с лишком, — ответил, не мешкая, Кинтилиан.

— А сколько всего долгу?

— Около двухсот десяти тысяч.

— Около! с лишком! Что это у тебя за манера отвечать? Около! Разве для того я тебя определила главным приказчиком, чтобы ты мне отвечал: около!

— Прикажете — можно сейчас в бумагах справиться и точную ведомость представить, — возразил старик.

— Этакие важные вещи должно знать тебе на память, а не справляться об них в бумагах! Это всё беспорядки... Когда я беспорядки эти переведу! А в нынешнем году мы ничего не платили?

— Никак нет-с.

— А за прошлый год все заплачено?

— Никак нет-с... За нами недоимка состоит... две тысячи четыреста тридцать рублей с копейками, — поспешил прибавить Кинтилиан.

— Стало быть, мне штрафные деньги придется платить?

— Должно предполагать-с.

— А почему же не заплачено в Опекунский совет? Разве денег не было?

— Деньги были-с — да и на другие расходы пошли.

— А на какие именно?

— На содержание господского дома, на покупку скота; Василью Васильевичу известно-с; они распорядились-с.

Глафира Ивановна вспыхнула.

— Опять Василий Васильевич! Как вы мне надоели с вашим Васильем Васильевичем! Сколько раз мне приказывать вам — не упоминать при мне имени Василья Васильевича! Особенно здесь, в собственной моей конторе. Знать его я не хочу, вашего Василья Васильевича. — И Глафира Ивановна встала и несколько раз прошлась по комнате.

— Садись и пиши, — примолвила она вдруг, поравнявшись с секретарем. — А вы слушайте.

Левон проворно сел за стол, схватил длинное перо, обмакнул самый кончик его в чернила и склонил голову на левый бок.

— «План госпожи... — начала Глафира Ивановна. Левоново перо заскрипело по бумаге. — Всё имение разделить на четыре части:

Первую назвать вдовьим участком или опридчим и определить ее на содержание госпожи и дома ее.

Вторую назвать — долговою частью и платить с нее проценты по долгам». — Написал? — спросила барыня.

— По долгам, — повторил секретарь.

«Третью часть назвать участком детским и определить ее на содержание Дмитрия Петровича.

Четвертую, наконец, назвать частью агрономической и экономической и доходы с нее употреблять на разные хозяйственные усовершенствования».

— Усовершенствования, — повторил секретарь.

Барыня обратилась к Кинтилиану и Павлу.

— Слышали вы? — спросила она.

— Слышали, — отвечали они в один голос. Секретарь поднялся.

— А теперь подайте бумаги, какие мне подписывать нужно.

Кинтилиан направился было к окну за сафьянным красным портфелем, с которым он пришел из «Вотчинной конторы», но Глафира Ивановна остановила его восклицанием:

— Ах, Мемориал! Я ведь и забыла Мемориал!

Кинтилиан вернулся на прежнее место, а барыня достала из кармана свою записную книжечку.

— Да, кстати, — начала она, еще не заглядывая в нее, — я желаю знать, кто у меня в Бабкове при тамошнем господском доме дворником? Уж не Никита ли Голанец?

— Точно так-с, — возразил Кинтилиан.

— Да не будет Никита Голанец дворником ни при Бабковском господском доме — нигде. Он умер.

Бурмистр, секретарь и приказчик — все трое невольно подняли головы.

— Для меня он умер. Я заметила, что в какой деревне он живет, там у меня непременно пожар случится. При нем в Лисицыне флигель сгорел. Отставить его от должности дворника и отослать в какую-нибудь оброчную деревню.

— Слушаю-с, — ответил Кинтилиан.

— А теперь посмотрим Мемориал. — Барыня раскрыла записную книжечку и прочла громко: — «Печатка». Да! Заказать в Туле печать с фигурой, изображающею время, и с надписью: «оправдает» — и слово чтоб было вырезано ясно. Это я тебе поручаю, Павел.

— Будет исполнено в точности, — весело возразил Павел.

— Я видела, — прибавила Глафира Ивановна, при-

ветливо взглянув на него, — ты уже в саду распорядился: дорожки подчищены — спасибо.

Павел низко поклонился.

— Рад стараться, сударыня-матушка, — промолвил он.

— Хорошо, хорошо.

Теперь второе: «Овес и сено». Четвертого дня был у меня сосед Иван Еремеич — всего побыл два часа — и кто его просил приезжать? На лошадей его вышло овса два четверика, четыре гарнца — а сена пуд и двадцать фунтов. Это ужас! Спрашиваю, кто этим заведывает?

— Дворецкий, — промолвил Кинтилиан.

— Вот ты и соврал: разве это дворецкого дело? Дворецкий домом заведывает, а не конюшней.

— Овес и сено выдает начальник конного двора, — поправился приказчик.

— Кто такой?

— Шорник Ипат.

— Так ты Ипату овес и сено поручаешь!.. Такая важная статья у него на руках! А ты-то чего глядишь? Положим, ты сам фураж отвешивать не можешь — всё же ты должен знать, сколько чего выходит. Никифор бы этого не сделал. Видно, мне и конный двор придется Павлу под команду отдать. Кстати, — прибавила барыня, обратившись к Павлу, — в какую деревню сослали Никифора?

— В Валухино.

— В Валухино... Напомни мне о нем сегодня, Левон.

Теперь третье: «Спросить, почему послали не Алешку, а Федьку?» Да; желаю я знать, почему за мамзелью в Москву послали не Алексея, как было приказано, а безмозглого старика Федора?

— Алексей оказался нужным в столярной.

— Когда я что приказываю — должно исполнять, а не рассуждать. Ты отменил мое приказание?

— Никак нет-с.

— Кто же?

Кинтилиан смутился и не отвечал.

— Спрашиваю тебя: кто?

Кинтилиан разинул было рот — и зашнурлся, но взглянул на барыню.